Имени Бахрушина

Наталья Георгиевна Думова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Увлекательная история создания музея театрального искусства в Москве. Из серии "Московские меценаты" опубликовано в журнале "Знамя" № 3 за 1991 год

- Наталья Думова
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Наталья Думова
ИМЕНИ БАХРУШИНА

1

Что в Москве есть Центральный государственный театральный музей имени А, А. Бахрушина, знают многие. А вот о его основателе и о всем семействе Бахрушиных мало кому известно.

Семья эта была одной из самых уважаемых в купеческой Москве. Дальний предок Бахрушиных, татарин из Касимова, принявший православие, в конце XVI века переселился в город Зарайск Рязанской губернии. Как гласит семейное предание, он подал прошение дарю с просьбой разрешить называться Бахрушиным (по мусульманскому имени отца — Бахруш), и потому однофамильцев у его потомков нет.

В Зарайске Бахрушины прожили более двух столетий. Занимались прасольством — скупали скот и перегоняли гуртом на продажу в большие города. Если скот по дороге падал, шкуры сдирали и продавали кожевникам. Так зачиналась традиция семейного дела.

В 1821 году Алексей Федорович Бахрушин перебрался с семьей в Москву. Прошли весь неблизкий путь пешком, следом за подводой с нехитрым домашним скарбом. Сверху была привязана корзина для перевозки кур. В ней прибыл в Москву единственный тогда сын — двухлетний Петр. В старости, обладая миллионным состоянием, он любил рассказывать об этом путешествии.

Поселился Бахрушин сперва на Таганке, на Зарайском подворье. Торговал скотом и сырыми кожами. Прошло четыре года, и предприимчивый Алексей Федорович начал поставлять в казну сырую кожу, в том числе особый ее вид, опоек, — он шел на изготовление солдатских ранцев. Товар брали с отбором, и у поставщиков скапливалось много непринятого опойка. Алексей Федорович придумал, как пустить его в дело: с 1830 года стал посылать опоек в Санкт — Петербург, на кожевенный завод немецкого купца Мейнцингера, где выделывали лайку для перчаток.

Немец оказался не особенно добросовестным партнером: из столицы доходили слухи, что он перепродает бахрушинский товар. И Алексей Федорович решил сам заняться выделкой лайки — наняв дом в Кожевниках, завел малое перчаточное дело; в том же доме обосновался с женой и детьми.

На первых порах доход был невелик, на счету каждая копейка, и старший сын Бахрушиных, Петр, промышлял тем, что сопровождал с Мытного двора, где помещался сенной торг, купленные там возы с сеном до дома покупателя, чтобы не

разворовали по дороге.

Вскоре скопили столько, что смогли прикупить маленькую кожевенную фабрику по соседству. Приобрели небольшой участок земли, который, постепенно расширяясь, превратился со временем в громадное земельное владение. В 1835 году Бахрушин был занесен в списки московского купечества.

Алексей Федорович был человеком находчивым, оборотистым. Ему не довелось получить образование, зато ума, наблюдательности, решительности природа отпустила с достатком. Он тянулся ко всему новому в деле, в быту, даже в одежде. Для себя и для троих сыновей Алексей Федорович заказывал новомодные короткополые сюртуки. Сыну Александру нанял учителя французского языка, чем удивил всех своих соседей и приятелей.

Правнук А. Ф. Бахрушина, Юрий Алексеевич, рассказывает в своих неопубликованных мемуарах такую историю. Алексею Федоровичу давно хотелось последовать дворянской моде — обрить бороду. Долго думал, как быть: купцу ходить безбородым считалось зазорным, — и нашел выход. Как–то в трактире после нескольких чарок побился с друзьями об заклад на сто рублей, что срежет бороду. Послали за цирюльником, но тот, увидев подвыпившую компанию, побоялся. что купец расправится с ним, когда протрезвеет.

— Не могу, ваше степенство, хотите — режьте сами, — сказал он.

— Давай ножницы 1 — воскликнул Бахрушин и разом отхватил свою пышную рыжеватую бороду.

Так же решительно он вводил новшества на производстве. Первым из российских кожевенных фабрикантов для выделки шерсти вместо портящей ее обработки известью применил промывку. В 1844–1845 годах полностью переоборудовал свой завод, провел воду из Москвы–реки, заменил тяжелую ручную работу машинной. Приобретенная им паровая двенадцатисильная машина была невиданной тогда диковиной в кожевенной промышленности. Над заводом поднялась высокая — много выше соседних — труба. Бахрушин очень ею гордился. Когда через много лет труба выбыла из строя, ее продолжали сохранять на заводе как реликвию.

За реконструкцию завода (она обошлась в 100 тысяч рублей) его владелец был награжден золотой медалью на анненской ленте (для ношения на шее).

22 декабря 1845 года состоялось торжество по случаю пуска заново оснащенного бахрушинского сафьяново–кожевенного завода. После молебна гости с любопытством осматривали новые

машины, инструменты для выделки кожи. Удивляясь непривычно высокой заводской трубе, шептались: «В такую трубу легче всего вылететь!»

Завистливые толки оказались не без почвы. Когда через три года Алексей Федорович, заразившись холерой, умер, выяснилось, что касса его пуста, а завод и дом в Кожевниках заложены. Долги превышали стоимость движимого и недвижимого имущества семьи Бахрушиных, осаждаемой кредиторами. Опытные в коммерческих делах советчики рекомендовали отказаться от наследства и начать все сызнова.

Вдова и три ее сына — Петр, Александр и Василий — собрались на семейный совет. Судили, рядили и приняли решение: чтобы не порочить памяти покойного, принять все долги на себя и полностью их выплатить; в дальнейшем раз и навсегда отказаться от сделок в кредит, а тем более от долговых обязательств и производить любые расчеты наличными (этого правила все Бахрушины придерживались затем неукоснительно).

Семейное дело взяла в свои руки Наталья Ивановна Бахрушина — женщина грамотная (что среди купчих было тогда редкостью), практичная и здравомыслящая. Ей по мере сил помогали сыновья.

Принесло, наконец, плоды и мудрое предвидение покойного Алексея Федоровича: модернизированный завод начал приносить доходы, с каждым годом увеличивавшиеся. Новый способ обработки шерсти обеспечивал ее более высокое качество и делал пригодной для выделки сукна. В 1864 году братья пристроили к заводу суконно–ткацкую фабрику. Потом открыли торговлю сукном в Харькове и Ростове–на–Дону. Семья богатела, репутация ее упрочивалась, — уже в 1851 году Бахрушины получили звание потомственных почетных граждан.

Трудности, пережитые после смерти отца, наложили заметный отпечаток на характеры сыновей. Их бережливость доходила до скупости: отчаянно торговались с извозчиками за лишний пятак, в перечень расходов записывали: «Подано нищему Христа ради две копейки». Жили в свое удовольствие, но скромно. Купеческую похвальбу капиталами, кутежи, мотовство презирали и строго карали за это своих детей.

Обстановка в семье была самая патриархальная. Старший брат Петр Алексеевич. переняв бразды правления у постаревшей матери, самодержавно распоряжался всем домом. Братья долго жили вместе с его многочисленным семейством (из восемнадцати детей девять умерли в раннем возрасте, осталось четыре сына и пять дочерей). Ткань на одежду покупали штуками — для всех. Касса также была общая. Младшие братья обращались к

старшему: «Вы. батюшка- братец Петр Алексеевич». До того, как он появлялся в столовой, никто из семьи не смел сесть за стол. Потом младшая дочь читала молитву и начинался обед, после которого все подходили к руке хозяина.

Бахрушины преуспевали. Большую выгоду принесли им как поставщикам армии военные заказы во время Крымской войны. Полученную прибыль решили по примеру отца обратить на модернизацию производства.

В 1861 году Александр Алексеевич на два с лишним месяца отправился во Францию, Англию и Германию, чтобы ознакомиться с тамошней кожевенной промышленностью (вот когда пригодилось знание французского языка!). После этой поездки бахрушинское предприятие подверглось значительным усовершенствованиям. Все необходимое для производства стали изготовлять на самом заводе, здесь же перерабатывали отходы.

Руководил Бахрушинским кожевенным заводом (после Октября — Московский фурнитурный завод) Александр. Петр управлял мощной суконно–ткацкой фабрикой (получившей при Советской власти название «Красное веретено»), которая выпускала лучшие сорта сукна, шерсть, шерстяную вату и т. д.

Василий Алексеевич ведал амбарами и обширной кожевенной и суконной торговлей, разъезжал по делам семейной фирмы по России и зарубежным странам.

В 1875 году был утвержден «Устав Товарищества кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей в Москве». Основной капитал товарищества составлял два миллиона рублей (400 паев по 5 тысяч рублей каждый). Вместе с этим документом в архиве сохранился другой: «Расценки работ на кожевенном заводе Товарищества Алексея Бахрушина сыновей в Москве». Из многих его параграфов возьмем наугад:

«Мездрить, дернуть, чистить и гладить кожи разных сортов — от 10 до 17'/» коп. за штуку». При этом рабочие обязаны безвозмездно «доставить кожи из склада в завод и взять для работы из зольника и исполнить все промывки».

«Размачивать в шайках кожи бычьи для полувала, выдерживать на хлеб, выстилать на козел, отвешивать и доставлять в дубную, включая все промежуточные перемещения и переборки — 067«коп. за штуку».

За любое упущение на рабочих накладывали штрафы, особенно суровые за испорченный товар. И все же отношения Бахрушиных с рабочими складывались лучше, чем на многих других предприятиях Москвы. Они носили отпечаток патриархальности: на бахрушинских фабриках трудились из поколения в поколение, отсюда же хозяева набирали прислугу в

свои городские дома, подмосковные имения и на дачи. На предприятиях братьев Бахрушиных, где к концу века работало до 400 человек, волнений и забастовок не было.

Еще более разбогатели Бахрушины на поставках для армии во время Рус- ско–турецкой войны 1877–1878 годов. Но образ их жизни изменился мало, никаких роскошеств в семье не было и в помине. Деньги вкладывали в земельные владения в Москве, некоторые из них застраивали многоэтажными доходными домами — в районе Чистопрудного бульвара, в Большом Златоустинском (теперешнем Большом Комсомольском) переулке, в Козицком переулке у Тверской, в Богословском переулке (ныне улица Москвина), на Софийской набережной (теперь набережная Мориса Тореза) и др.

Братья были членами Московского биржевого общества, состояли в правлениях и советах московских Купеческого и Учетного банков.

Широко и щедро жертвовали Бахрушины на благотворительные цели, их даже называли «профессиональными благотворителями». В семье был обычай: к началу нового года, если предыдущий оказался в финансовом отношении благоприятным, выделять определенную сумму на помощь бедным, больным, престарелым, учащимся.

В делах благотворительных Бахрушины были столь же основательны и предусмотрительны, как в делах производственных. Не рекламировали свою деятельность, не выставляли ее напоказ. Но каждому новому благотворительному учреждению неизменно присваивали имя братьев Бахрушиных, надеясь сохранить его в памяти будущих поколений.

Еще в 1869 году на родине предков — посадских людей города Зарайска — Бахрушины построили церковь, богадельню и училище. В октябре 1882 года братья передали московскому городскому голове письмо, где высказали желание пожертвовать 450 тысяч рублей на строительство больницы. К осени 1887 года на Сокольничьем поле была построена большая по тем временам — на 200 кроватей — Бахрушинская больница для страдающих неизлечимыми заболеваниями (теперь она называется Остроумовской — по имени главного врача А. А. Остроумова, который был и домашним врачом Бахрушиных). Из сохранившихся в архиве документов следует, что на возведение больничных зданий было ассигновано 240 тысяч рублей, а 210 тысяч составили неприкосновенный основной фонд, проценты с которого. шли на содержание больных, медицинского персонала, на нужды великолепного больничного храма во имя Божьей Матери Всех скорбящих радости.

И в дальнейшем Бахрушины не только строили медицинское или просветительское учреждение, но и обеспечивали его функционирование, страхуя тем самым от печальной судьбы многих благотворительных заведений, зачахших после смерти устроителей.

Лечение было бесплатным; больные именовались пенсионерами братьев Бахрушиных. Благотворители поставили единственное условие: при совершении литургии в больничной церкви «должно быть поминаемо о здравии учредителей больницы Петра, Александра и Василия с чадами и об упокоении их родителей Алексея и Наталии».

В 1890 году при Бахрушинской больнице был построен дом призрения для неизлечимых больных (кажется, единственный тогда в Москве) на 150, а впоследствии на 200 человек. 100 тысяч рублей пошло на постройку здания и 300 тысяч было положено в банк на содержание дома.

В 1895 году Бахрушины обратились в Московское городское самоуправление с просьбой отвести участок земли и обеспечить там устройство водопровода, чтобы они могли основать убежище для детей, покинутых родителями. На выделенные ими 150 тысяч рублей в Сокольничьей роще был построен городской сиротский приют. Его жизнедеятельность обеспечивали проценты с неприкосновенного капитала в 450 тысяч рублей. Приют был иного типа, чем существовавшие ранее в Москве заведения такого рода: мальчики–сироты воспитывались там до совершеннолетия, до «выхода в люди». Они жили в небольших домиках группами по 25 человек (сначала было пять таких групп, позже Бахрушины добавили 50 тысяч рублей на организацию шестой); рядом располагались школа и мастерские для обучения ремеслам — электротехническая и художественно–слесарная.

В честь открытия приюта 25 ноября 1901 года был дан завтрак. В архиве сохранилось приглашение–меню. Какие названия блюд! Едва ли кто из наших современников слышал такое, уж не говорю пробовал: «Консоме из ершей. Лонж из телятины Ренессанс. Бомба понаше с дюше»!

В 1898 году Бахрушины построили на Болотной площади (теперь площадь Репина) дом бесплатных квартир для нуждающихся вдов с детьми и учащихся девушек. Два года спустя отдали для расширения этого дома свое земельное владение на Софийской набережной и выстроили еще одно здание, потом между ними — третье. В общей сложности на дом бесплатных квартир Бахрушины пожертвовали 1 257 тысяч рублей. В 1912 году в нем было 456 однокомнатных квартир площадью от 13,2 до 30,4 квадратного метра и жили там 631 взрослый и 1378

детей. При доме действовали два детских сада, начальное училище для детей обоего пола, мужское ремесленное училище и профессиональная школа для девочек. В общих рабочих комнатах можно было бесплатно пользоваться швейными машинами. Столовая тоже была бесплатной. На первом этаже размещалось общежитие для 160 курсисток.

Полмиллиона рублей Бахрушины пожертвовали на приют–колонию для беспризорных детей в Тихвинском городском имении в Москве. В 1913 году предоставили Зарайскому городскому управлению крупную сумму денег на строительство больницы, родильного дома и амбулатории.

В 1915 году Александр Алексеевич Бахрушин продал городу Мосiˆе большое земельное владение в Серпуховской части — по очень низкой цене — за

422 250 рублей и, добавив 77 750 рублей, принес сложившийся в итоге полумиллионный капитал в дар городскому общественному управлению. 300 тысяч предназначались для строительства на этом участке городского Народного дома с помещением для досуга детей и подростков, библиотекой и читальней, столовой- чайной (где «за минимальную цену беднейший класс населения мог бы получить здоровую пищу») и, наконец, зрительным залом–театром на 1 200–1 500 человек. По замыслу Бахрушина, здание Народного дома должен был окружать сад для летних и зимних развлечений и детских подвижных игр.

Оставшиеся 200 тысяч рублей ассигновались на постройку учебно–ремесленной мастерской для беднейших мальчиков, окончивших начальные городские школы, и общежития на 50 человек для наиболее нуждающихся. Предполагалось организовать здесь же вечерние общеобразовательные классы для рабочих, выделить помещение «для чтений и лекций», устроить площадку для игр и физических упражнений подростков.

По подсчетам Юрия Алексеевича Бахрушина, только эти крупные пожертвования семьи (не считая многочисленных более мелких) составили свыше 3,5 миллиона рублей. Кроме того, перед самой Февральской революцией Бахрушины подарили Московскому городскому самоуправлению свое имение Ивановское, в трех верстах от Подольска, под приют–колонию для беспризорных детей. Ю. А. Бахрушин подробно рассказывает в своих мемуарах о том, как досталось его деду Александру Алексеевичу это богатейшее имение с домом в 200 комнат, когда–то принадлежавшее воспетой Пушкиным московской генерал–губернаторше Аграфене Федоровне Закревской.

Последняя владелица Ивановского, графиня Келлер, увязла в

долгах. Множество ее векселей скопилось у Бахрушиных, и после многочисленных отсрочек платежей суд вынес решение: за долги имение переходит к ним.

В старинной усадьбе была такая масса мебели и различной утвари, что вывезти все это Келлер не смогла. Однако она не хотела ни оставить, ни продать новым владельцам ничего, решительно ничего! Поскольку по постановлению суда Бахрушины имели право только на недвижимое имущество, графиня приказала своему управляющему объявить но окрестным деревням: разрешается брать из барского дома все, что пожелаешь. И вот крестьяне на телегах подъезжали к парадному подъезду, грузили навалом старинные столы с крышками из цельного малахита, огромные, в человеческий рост, фарфоровые вазы, музейную мебель красного дерева и карельской березы. По дороге многие вещи сваливались под колеса, разбивались, ломались…

В Ивановском были знаменитые па всю Москву оранжереи, где выращивали персики, ананасы, бананы. Накануне приезда новых хозяев графиня приказала на всю ночь оставить раскрытыми двери оранжереи, и ноябрьский крепкий морозец уничтожил плоды трудов нескольких поколений искуснейших садовников. Выжили лишь четыре персиковых деревца.

Имение стало летней резиденцией Александра Алексеевича Бахрушина (его жена к тому времени умерла). Туда же съезжалась многочисленная бахрушинская молодежь с друзьями. Танцевали, ставили шарады, заводили шумные игры. Верховодил во всех затеях внук Александра Алексеевича — Сергей Владимирович, впоследствии историк, член–корреспондент Академии наук СССР.

С именем Бахрушиных связана и история популярного на рубеже веков театра Корша (теперь МХАТ имени Горького). Присяжный поверенный, драма

12. «Знамя» № 3.

тург и переводчик Федор Корш основал драматическую труппу, дебютировавшую в 1882 году гоголевским «Ревизором». В 1885 году Бахрушины сдали ему в аренду под строительство театра лучшую часть своего земельного владения на самых выгодных для арендатора условиях.

В фантастически короткий срок — менее чем за 100 дней, как гласит легенда, — по проекту архитектора М. Н. Чичагова было возведено театральное здание в псевдорусском стиле. Построить театр Коршу помогли друзья, и в их числе Александр Алексеевич Бахрушин, пожертвовавший 50 тысяч рублей.

А. А. Бахрушин принял финансовое участие в создании Московского коммерческого института, материально

поддерживал работы, связанные со становлением отечественного воздухоплавания, различные медицинские эксперименты.

Ю. А. Бахрушин описывает такой случай. Будучи шести недель от роду, он перенес дифтерию в крайне тяжелой форме. Однажды вечером наступил кризис. Доктора признали себя бессильными, и тут кто–то посоветовал обратиться к молодому врачу Г. Н. Габричевскому, недавно начавшему эксперименты с противодифтерийной вакциной. В первом часу ночи обеспамятевший от тревоги за ребенка Алексей Александрович приехал к Габричевскому. Тот уже лег спать и через прислугу передал, что ни за какие деньги никуда не поедет. Бахрушин продолжал умолять, настаивать. Возмущенный врач велел узнать фамилию неотвязного просителя и. услышав ее. тут же оделся. «К вам–то я обязан ехать», — сказал он.

Выяснилось, что, когда Габричевский начал свои эксперименты и ему понадобились деньги для этого, единственным человеком, который пришел ему на помощь, был дед больного ребенка — Александр Алексеевич Бахрушин.

В 1901 году Александр и Василий Бахрушины (Петр к тому времени уже умер) за благотворительную деятельность были удостоены звания «почетный гражданин Москвы». Такую честь заслужил до них лишь один представитель купеческого сословия, П. М. Третьяков, за создание художественной галереи. Газета «Русское слово» по этому поводу писала: гласный Думы мануфактур–советник А. А. Бахрушин «никогда не говорит в Думе, но совместно с братьями сделал для города столько, сколько не сделают десятки говорящих гласных».

Во время первой мировой войны прибыли пайщиков бахрушинских предприятий, как и всегда в военные периоды, значительно возросли, По словам Ю. А. Бахрушина, правление Товарищества постановило выделить значительные средства для материального поощрения рабочих (в зависимости от стажа). Некоторые старики получили довольно крупные суммы.

Александр Алексеевич скончался от крупозного воспаления легких в 1916 году в возрасте 92 лет. После смерти его недвижимое имущество было оценено II 1 681 164 рубля. Он завещал его детям. Около 800 тысяч рублей предназначалось по завещанию на благотворительные цели: 425 тысяч рублей — на расширение приюта братьев Бахрушиных, 200 тысяч — на создание под Москвой колонии для беспризорных детей, 90 тысяч московским городским попечительствам о бедных, 11 тысяч в пользу бедных города Зарайска (в том числе ежегодно на приданое — по жребию — для двух бедных невест). 5 тысяч рублей отводилось на улучшение питания обитателей

Бахрушинского дома бесплатных квартир. Крупные суммы были завещаны церкви.

Александр Алексеевич оставил детям завет «жить в мире и согласии, помогать бедным, жить по правде». В продолжение отцовских традиций дети вместо устройства поминок по покойному для родственников и знакомых пожертвовали 10 тысяч рублей в городское попечительство о бедных. На поминальный обед пригласили только персонал бахрушинских предприятий. Всем служащим было выдано месячное жалованье: рабочим — по 25 рублей, работницам — по 15, а прослужившим свыше десяти лет — в два раза больше. В память об умершем каждый рабочий получил сорочку, работница — шерстяной платок.

За заслуги А, А. Бахрушина перед родным городом, за неизменное на протяжении всей жизни стремление творить благо для бедных, больных, осиротевших Московская Городская Дума, гласным которой он состоял 29 лет с 1872 по 1901 год, — приняла решение в память о нем поместить его портрет в зале. заседаний. Тогда это была большая и редко кому выпадавшая честь.

2

У Александра Алексеевича было три сына: Владимир, Алексей и# Сергей. Отец надеялся, что сыновья будут его преемниками в деле, и не поощрял развития их художественных наклонностей. Когда он уходил на завод, мать тайком учила детей играть на рояле. Позднее отец сменил гнев на милость, и Владимир стал брать уроки живописи, Сергей — игры на скрипке, а Алексей увлекся игрой на арфе и пением, у него был хороший голос (во взрослые годы приятного тембра баритон).

Учились мальчики Бахрушины, как и многие дети из семей московского ку печества, в частной гимназии Креймана на Петровке. Алексей успевал в учебе неважно. Сохранился его аттестат за 4-й класс — по большинству предметов тройки. Из 7-го класса гимназии (а может быть, и раньше) он ушел, объявив, что хочет работать на заводе. Для отца, фанатика промышленной деятельности, это был достаточно веский аргумент. Впоследствии Алексей Александрович всю жизнь жалел, что недоучился.

С раннего утра| до пяти часов дня молодой Бахрушин постигал на заводе отцовскую премудрость, а вечера посвящал светским развлечениям. Одевался по моде, с некоторым налетом эксцентричности: котелок носил чуть меньшего размера, чем другие, променадную трость — чуть потолще. Играл в любительских спектаклях в кружке молодых Перловых — детей известного чаеторговца (двоюродные братья Бахрушины — Владимир Александрович и Николай Петрович — женились вскоре на дочерях Перлова). Был завсегдатаем балов, но чаще всего по вечерам отправлялся в театр. Алексей с юных лет увлекался оперой, интересовался балетом и испытывал восторженное (пронесенное через всю жизнь) преклонение перед мастерами Малого театра — Ермоловой, Федотовой, Никулиной, Михаилом Садовским, Ленским.

Однажды в компании молодежи двоюродный брат Алексея Александровича С. В, Куприянов стал хвастать собранными им разного рода театральными реликвиями — афишами, фотографиями, случайными сувенирами, купленными у антикваров, и т. д. Бахрушин отнесся скептически к этим приобретениям. Чтобы собрание имело ценность, сказал он, надо не просто скупать вещи у продавцов, а выискивать их обязательно самому, испытывая глубокий интерес к искусству и обладая специальными знаниями о нем. Иначе это будет пустое занятие.

Куприянов вспылил, принялся расхваливать свои сокровища, Бахрушин тоже раскипятился. Слово за слово…

— Да я и за месяц больше твоего соберу! — объявил Алексей Александрович.

Оскорбленный кузен предложил пари. Оно было заключено при многочисленных свидетелях и в положенный срок выиграно. Так слепой случай побудил Бахрушина заняться тем, что стало главным делом его жизни.

Опыт коллекционирования у него уже был, правда, небольшой. Пробовал собирать японские сувениры, потом все, что имело отношение к Наполеону. Но это не всерьез, лишь дань моде. Теперь было затронуто самолюбие, не хотелось оказаться побежденным в споре.

Бахрушин ринулся к букинистам, антикварам, каждое воскресенье ездил на Сухаревку. Там его ждали удивительные находки.

Москва в конце прошлого века была землей обетованной для любителей и собирателей всяческой старины. В самом центре города, в замшелую, поросшую травой Китайскую стену упирался узкий — шириной в несколько шагов — Никольский тупик. В полуподвалах здесь сплошь теснились лавочки букинистов. Книг бывало столько, что не только покупателю — продавцу негде повернуться. У Варварских ворот размещались старокнижные лавки. Вдоль Китайской стены до самых Ильинских ворот тянулся знаменитый книжный развал. Здесь можно было купить все. что вышло из–под печатного станка. Какое раздолье для историка, библиофила, коллекционера, да просто книголюба!

А легендарная Сухаревка! Каждую ночь с субботы на воскресенье на большой площади вырастали тысячи складных палаток и ларей. С 5 часов утра и до 5 вечера кипела бойкая торговля. Продавали съестное, одежду, обувь, посуду — да что хочешь! Если кого в Москве обкрадывали, первым делом бежал на Сухаревку разыскивать свое добро у перекупщиков.

На воскресной барахолке можно было сделать любую, самую фантастическую покупку: от старинных редких книг, картин знаменитых художников до рваных опорок и воровского набора для взятия касс. К концу века многие дворянские гнезда оскудели, пошли с аукциона, и на Сухаревке часто за бесценок продавались прекрасные старинные вещи: мебель, люстры, статуи, севрский фарфор, гобелены, ковры, ювелирные изделия… Часами рылись в сухаревских развалах антиквары и коллекционеры (среди них можно было встретить известных, уважаемых в городе богачей — Перлова. Фирсанова, Иванова), за гроши покупали шедевры, оценивавшиеся потом знатоками в сотни тысяч рублей.

Здесь, на Сухаревке, которую Алексей Александрович

впоследствии называл «главным поставщиком» своего музея, он и сделал покупку, положившую. начало его коллекции. В захудалой антикварной лавчонке за 50 рублей приобрел двадцать два грязных, запыленных маленьких портрета. На них были изображены люди в театральных костюмах. Бахрушин предположил, что его находка относится к XVIII веку. В гот же день он поехал в художественный магазин Аванцо на Кузнецком мосту, просил промыть портреты, отреставрировать и вставить в общую дубовую раму.

Когда приехал за своим приобретением, оно было неузнаваемо. Бахрушин залюбовался ожившими красками. Вдруг кто–то за его спиной сказал:

— Продайте!

Оказалось, это был режиссер Малого театра Алексей Михайлович Кондратьев. Продать свою находку Бахрушин отказался, но пригласил нового знакомого к себе домой, чтобы тот получше рассмотрел портреты.

Кондратьев высказал предположение, что это портреты крепостных актеров Шереметевского театра в Кускове, Его слова подтвердились много лет спустя, когда потомок владельца кусковского театра граф П. С. Шереметев, осматривая бахрушинское собрание, пораженный остановился у «сухаревской находки».

— Откуда это у вас? — спросил он Бахрушина и, узнав историю приобретения, рассказал: — Эти портреты очень давно украдены из Кускова. Я помню их с детства, Портретики были сделаны в Париже, и по ним шились костюмы для актеров шереметевской труппы.

Вскоре граф прислал еще несколько портретов, случайно не попавших в число похищенных, «Чтобы не разрознивать коллекцию», — объяснил он Бахрушину.

Алексей Александрович очень любил эту серию портретов — первенца своей коллекции. Потом уже, став знатоком истории театра, он пришел к мысли, что это не портреты актеров, а эскизы костюмов и даже высказал предположение, что их сделала художница Марианна Курцингер, работавшая в парижской Гранд — Опера. Доказать эту гипотезу удалось уже после смерти А. А. Бахрушина, когда на эскизах была обнаружена подпись автора.

Бахрушин и Кондратьев стали друзьями. Режиссер с большим сочувствием отнесся к замыслу коллекционера. Он «поддержал во мне веру в пользу моего намерения, — писал впоследствии Алексей Александрович, — и убеждал продолжать поиски документов истории театра на Руси».

В первое же свое посещение Кондратьев спросил Бахрушина,

почему в его коллекции нет актерских автографов.

— Да где же взять их? Этот товар ведь не продается…

Назавтра режиссер прислал объемистый пакет — записки к нему артистов Малого театра. В общем–то пустячные: извещение о болезни, о невозможности присутствовать иа репетиции, о потере текста роли. Зато какие имена! Кондратьев передавал Бахрушину различные театральные мелочи, принадлежавшие некогда известным актерам, советовал, где заполучить ту или иную реликвию.

И сам Алексей Александрович все больше и больше сближался с театральным миром, всеми правдами и неправдами добывал для своей коллекции программы спектаклей, юбилейные адреса, фотографии с автографами, тетрадки с текстами ролей, балетные туфельки, перчатки актрис… Разыскивал все это и сам, и с помощью друзей, стал завсегдатаем букинистических и антикварных лавок.

Коллекционирование превратилось в страсть — Алексей Александрович думал только о своем собрании, только о нем мог говорить. Знакомые удивлялись, посмеивались над его чудачеством, пожимали плечами — ну кто мог вообразить, что «театральная чепуха», усердно собираемая Бахрушиным, станет ценнейшим подспорьем для изучения истории отечественного и зарубежного театра?

Кто мог, например, подумать, что пристрастие Бахрушина к балетным туфелькам (сколько по этому поводу отпускалось острот!) даст в будущем возможность наглядно проследить, как развивалась техника балета. Тонкие туфельки Фанни Эльслер и Марии Тальони плотно облегали ножку балерины и делали танец воздушным. Потом в туфельке появился пробочный носок — он помогал проделывать сложнейшие танцевальные па. Начало XX века принесло удивительное новшество — стальной носок, позволивший довести технику балета до совершенства.

Поначалу Бахрушину не хватало чутья, знаний, умения по достоинству оценить, отобрать для коллекции действительно стоящие вещи. Он не раз рассказывал, как однажды пришел незнакомый художник и предложил купить у него театральные эскизы. Алексей Александрович в то время в произведениях подобного рода не разбирался и их не покупал.

— А что вы хотели бы? — спросил художник.

— Ну. какую–нибудь женскую головку.

— Я обязательно сделаю. Но не могли бы вы дать мне денег авансом?

Бахрушин дал 100 рублей. Примерно через год, придя домой, узнал от слуги, что какой–то художник просил передать свой

долг. Алексей Александрович развернул оставленный сверток и ахнул. Это был акварельный портрет «Голова украинки» работы Врубеля (он хранился потом в семье Бахрушиных много лет).

— Будь я поумнее, — сетовал обычно Алексей Александрович, какие врубелевские работы мог тогда купить!

Наставником и руководителем в собирательстве был для Бахрушина двоюродный брат Алексей, сын покойного дяди Петра. Непременный посетитель Сухаревки, коллекционировавший русскую старину, главным образом книги, он был знаменит своей невероятной толщиной и скупостью, а кроме того, привычкой бесконечно торговаться.

Один из старых московских коллекционеров, Н. М. Ежов, рассказывал в мемуарах, как приглядел однажды на Сухаревке изящно сделанный миниатюрный портрет митрополита Филарета, но его смутила цена — 25 рублей.

«Вдруг я увидел круглую, как маленький аэростат, фигуру А. П. Бахрушина, медленно шагающую в нашу сторону.

— Вот, — сказал я торговцу, — вот кому предложите. У него музей редкостей и масса миниатюр…

— Это Бахрушин–то? — с явным пренебрежением спросил, поглядев, торговец. — Я ему и показывать ничего не стану.

— Почему же?

— Дело известное. Ему надо на грош пятаков купить. Он у меня этого Филарета года два торгует. С полтинника начал и теперь до десяти рублей дошел».

Особый шик для коллекционера — не просто заполучить нужную для его собрания вещь, но заполучить за бесценок, распознать в продающемся по дешевке и на вид неприглядном предмете старинную, дорогую, редкостную вещь. Этому умению Алексей Петрович учил своего родственника.

30 октября 1894 года Бахрушин организовал в родительском доме в Кожевниках выставку своей коллекции для всех желающих. Этот день он считал официальной датой основания музея.

Ему посчастливилось найти жену, которая относилась к коллекции с таким же рвением и увлечением, как и он сам. Встретились они в январе 1895 года на святочном костюмированном балу. Вере Васильевне, дочери миллионера–суконщика В, Д. Носова, было тогда 19 лет, Бахрушину — на 10 лет больше.

В семейной летописи Носовых и Бахрушиных многое перекликается. Дед Веры Васильевны работал простым ткачом; в 1829 году они вместе с братом открыли маленькую фабричку, выделывавшую драдедамовые платки (именно такой платок был в

семье Мармеладовых в романе Достоевского «Преступление и наказание»; он запоминается читателю как горький символ бедности и унижения). Братья сами ткали, сами промывали и красили платки, их мать и жены «обсучали» бахрому. В 50-х годах фабрику переоборудовали, в 1857-м — перестроили и увеличили вдвое. С 1863 года Носовы стали поставщиками сукна для армии и флота. Второе поколение семьи — братья Василий и Дмитрий — организовали «Промышленно–торговое товарищество мануфактур бр. Носовых», владели амбаром в Черкасском переулке и магазином в Лубянском пассаже.

Отец Веры Васильевны В. Д. Носов рано овдовел; на руках у него осталось шесть дочерей и сын. Семья жила в старинном особняке с конюшнями и пс£фней, окруженном обширным садом. Рядом с домом текла река Синичка, в «ей удили рыбу.

Две старшие дочери вскоре вышли замуж, одна из них за князя Енгалычева. Эта свадьба сладилась с большим трудом. Вера Васильевна написала своей гимназической подруге; «Сестра полтора месяца проплакала, прежде чем ей позволили выйти за ее князя. А отчего? Именно оттого, что он — князь. Папа — купец, всякий гордится своим, и он не желал, чтобы его дочь выходила замуж за князя».

С замужеством сестер Вера осталась в доме за старшую. Учась в гимназии. она увлекалась техникой, фотографией, кулинарным искусством.

17 апреля 1895 года отпраздновали свадьбу, и сразу же молодые уехали в Петербург, а оттуда за границу. Во время путешествия Вера Васильевна еще раз после стремительного ухаживания убедилась в нетерпеливом характере мужа: за медовый месяц они побывали в двадцати пяти городах!

У молодой Бахрушиной запас терпения, выдержки и преданности оказался неистощимым. Его с лихвой хватило на почти тридцатипятилетнюю дружную, но вовсе не легкую для нее совместную жизнь.

3

В качестве свадебного подарка Бахрушин–отец преподнес сыну с невесткой участок земли на углу Лужниковской улицы (теперь улица Бахрушина) и Зацепского вала. На этом участке начали строить по проекту архитектора Гиппиуса двухэтажный особняк из красного кирпича. Пока шло строительство, жили в соседнем доме, который принадлежал раньше купцу Михаилу Леонтьевичу Королеву — московскому городскому голове в 60-х годах.

Королев был знаменит по Москве своими развлечениями. Вместе с приятелями–купцами он отправлялся в винный погребок близ Биржи на КарунинскоЙ (теперь Куйбышевской) площади. Там ставил на стол свою шляпу–цилиндр, и друзья распивали шампанское, пока она не наполнялась доверху пробками от выпитых бутылок.

Особняк Королева на Лужниковской был в своем роде историческим. О нем ходил такой рассказ. В 1862 году Александр II прибыл с высочайшим двором в Москву. В Кремле городской голова Королев от купечества поднес царю хлеб- соль на роскошном серебряном блюде. Царь, поблагодарив, осведомился:

— Как твоя фамилия?

— Благодарение богу, благополучно, ваше величество, — степенно ответил Королев. — » Только хозяйка малость занедужила.

Возникло некоторое замешательство — купец воспринял слово «фамилия» в значении «семья», царь же хотел знать фамилию городского головы. Однако Александр не растерялся:

— Ну, кланяйся ей, да скажи, что я со своей хозяйкой приду ее навестить.

Присутствовавшие при этом московские Кит Китычи пришли в восторг.

Еще **бы** — никогда прежде нога царя не ступала на порог купеческого дома. И вот 4 декабря 1862 года весь цвет городского купечества собрался в особняке Королева, чтобы встретить государя–императора. Вместе с императрицей он по**сетил** только что отделанный храм Святой Троицы в Лужниках, где Королев был церковным старостой. Потом пожаловал к столу в доме городского головы **и** долго беседовал с купцами, «Нас маленьких нянька водила вечером смотреть **на** съезд, и мы видели страшно загроможденную улицу и ярко освещенные окна **дома** М. Л. Королева, — вспоминал Алексей Петрович Бахрушин. — Народу было **массы…** То была честь Москве, честь московскому

купечеству, честь русскому человеку!».

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Через пятьдесят лет, в 1913-м, во время празднования в Москве 300-летия дома Романовых в Большом Кремлевском дворце состоялась торжественная встреча Николая И с «сословными представителями страны». Как в старину, представители дворянства и купечества должны были приветствовать царя в разных залах. Когда на заседании Московского биржевого комитета его председатель Г. А. Крестовников сообщил о полученном от министра двора распорядке проведения церемониала, поднялась буря возмущения. Члены комитета (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, С. М. Третьяков и другие) пришли в негодование:

— Негоже нам, хозяевам Москвы, встречать государя во втором зале дворца!

Они поручили председателю немедленно ехать в Кремль и уведомить министра двора, что предложенный им церемониал неприемлем. Крестовникова уполномочили также в ультимативной форме заявить, что если представителям промышленности и торговли не дадут места в первом зале, они на царском выходе присутствовать не будут.

Министр двора граф Фредерике не осмелился принять самостоятельное решение по этому поводу и после долгих препирательств с Крестовниковым отправился со срочным докладом к царю. В итоге члены двора и дворянские делегаты встречали самодержца, стоя по одну сторону первого зала Кремлевского дворца, а представители торговли и промышленности — по другую.

Но вернемся к особняку на Лужниковской. Перед смертью Королев разорился, дом его был продан и в конце века стал собственностью Александра Алексеевича Бахрушина. Здесь в 1897 году родился его внук Юрий, а вскоре молодая семья перебралась в построенный по соседству особняк. Вокруг него шумел огромный зеленый сад, в саду били фонтаны.

Молодые Бахрушины решили отвести под коллекцию три комнаты в полуподвальном этаже нового здания. Но куда там! Собрание театральных реликвий разрасталось неудержимо. Алексей Александрович разыскивал их сам, и не только приобретал, но и получал в подарок от многочисленных друзей–актеров.

В 1899 году в Ярославле торжественно праздновалось 150-летие основания русского театра. С помощью Бахрушина была подготовлена обширная выставка. Добрая треть экспонатов была снабжена этикетками; «Из собрания А. А. Бахрушина». Выставку

встретили с интересом, о коллекции заговорили, и это вызвало поток пожертвований.

Алексей Александрович ни от чего не отказывался, приговаривал; «Доброму вору все впору. Там разберемся!». Старинные музыкальные инструменты **и** ноты, автографы и рукописи актеров, писателей, драматургов, портреты, картины и театральные эскизы работы Кипренского, Тропинина, Головина, братьев Васнецовых, Репина, Врубеля, Добужинского, Коровина, Кустодиева, собрания театральных биноклей, дамских вееров, личные вещи актеров, предметы театрального быта — чего только не вобрала в себя за долгие годы бахрушинская коллекция! С каждым днем пополняясь, она требовала все новых помещений.

Был занят весь полуподвальный этаж дома, потом часть жилого верха — детская, буфетная и коридор наверху, наконец, конюшня и каретный сарай во

дворе.

В московском «большом свете» к коллекционеру относились с иронией. На вечерах и званых обедах задавали ехидные вопросы: правда ли, что он приобрел пуговицы от брюк Мочалова и помочи Щепкина? Алексея Александровича не смущали насмешки. После театрального праздника в Ярославле он особенно ясно понял, что делает нужное, полезное дело.

Жена была его единомышленницей и верной помощницей. За короткое время она научилась машинописи, переплетному делу, тиснению на коже, резьбе по дереву, была отличным фотографом, ведала фонографом. В ее обязанности входили оформление коллекции, сбор афиш премьерных спектаклей, а также материалов прессы, посвященных театральным событиям. В архиве музея сохранилось множество картонных листов с аккуратно наклеенными с двух сторон газетными вырезками. Каждая надписана мелким, убористым почерком Веры Ва* сильевны — из какой газеты, за какое число.

Характер у мужа был далеко не сахар — вспыльчивый, упрямый. Очень разборчив и привередлив был он в еде, за столом постоянно раздражался, все ему казалось то пережаренным, то недоваренным. Ю. А. Бахрушин вспоминает, что получить у отца деньги на хозяйственные расходы было для матери мукой — траты на хозяйство представлялись ему безрассудно отторгнутыми от коллекции. К концу жизни Алексей Александрович не раз восклицал: «Ах, если бы собрать все деньги, которые я в свое время истратил на обеды, ужины и другие глупости, сколько бы я смог на них приобрести замечательных вещей для музея 1»

Бахрушинский дом был известен своим гостеприимством. Два

раза в год давались званые обеды для купеческой знати. Обед начинался в 8 часов вечера, потом играли в карты, пили чай и вино; разъезжались в 3–4 часа утра. «Весело на этих вечерах, — пишет Ю. А. Бахрушин, — никогда особенно не бывало».

Полной противоположностью скучным официальным трапезам были еженедельные бахрушинские субботы, когда дом на Лужниковской был открыт для всех, кто имел какое–либо отношение к искусству. Приезжали званые и незваные, знакомые и незнакомые. В эти дни никаких карт не полагалось. Гости осматривали коллекцию, затем в кабинете хозяина беседовали, спорили, писали и рисовали в домашнем альбоме. Часа в два ночи подавался простой домашний

\'ЖИН.

Гости чувствовали себя непринужденно, веселились от души; часто устраивались импровизированные выступления актеров, певцов, поэтов. Кого тут только не было — композитор Цезарь Кюи, художник Суриков, владелец театра «Эрмитаж» Лентовский, директор императорских театров Теляковский, певицы Варя Панина и Анастасия Вяльцева. многие актеры Малого театра, петербургская актриса Савина. Гиляровский, Собинов (в музее хранится его автограф: «Милому, старому другу Алеше Бахрушину. Любящий его Леонид Собинов»). Ф. И. Шаляпина Бахрушин никогда не приглашал. «Присутствие Шаляпина, — говорил он, как вспоминает сын, — чересчур жестокое испытание для нервов».

Не любил Бахрушин и Художественный театр, всю душу отдал Малому (правда, позднее отношение его к МХТ изменилось). В 1899 году Немирович- Данченко писал Станиславскому в связи с финансовыми затруднениями театра: «…Двигаюсь… к Бахрушину, у которого, может быть, смотря по его тону, попрошу взаймы. Но только может быть». Ни тогда, ни в другие разы на просьбы руководителей МХТ Алексей Александрович не откликнулся. Это не мешало, однако, Немировичу — Данченко быть частым гостем на Лужниковской.

Особенно многолюдны бывали субботние вечера у Бахрушиных в великий пост, когда на Москву волной накатывалась театральная провинция. Среди гостей можно было увидеть крупнейших антрепренеров — Соболыцинова — Самарина, Синельникова, Соловцова. Приходило и множество артистов — кто посмотреть коллекцию, кто повидаться со знакомыми, а кто и поужинать на дармовщинку.

По воскресеньям к завтраку, на традиционную кулебяку с гречневой кашей, собирались самые близкие — артисты Малого театра Н. И. Музиль и В. А. Мак- шеев, режиссеры А. М.

Кондратьев и Н. А. Попов, историк театра и литературы С. Н. Опочинин, знаменитый в Москве коллекционер И. А. Морозов, писатель–народник С. В. Максимов, хранитель Московской оружейной палаты В. К. Трутовский, журналисты Н. Е. Эфрос, К. А. Скальковский и А. А. Плещеев — сын поэта.

Все они дружили с хозяином, с искренней симпатией относились к хозяйке. Алексей Александрович гордился женой — ее красотой, тактом, ее способностями и умениями. Он мечтал заказать Валентину Серову ее портрет, но Вера Васильевна воспротивилась: художник (был известен деспотичным обращением со своими моделями, а Бахрушина хотела позировать в той позе и в той одежде, какие ей нравились. Портрет был написан К. Маковским — очень похожий на оригинал, он казался копией с фотографии.

Вера Васильевна занималась домом и детьми (в 1902 году родился второй сын, Александр, но не дожил до трех лет; в 1907 году — дочь Кира). Мужу было постоянно некогда, он всегда спешил. Глубоко религиозный, как все Бахрушины, Алексей Александрович каждое утро начинал с долгой молитвы перед иконой. В 10. часов уходил на завод. Возвращался около часу дня, завтракал и уезжал по своим многочисленным делам. В 1897 году Бахрушин, избранный членом совета Российского театрального общества, возглавил Московское театральное бюро. Многие годы вел большую полезную работу в ВТО. Тогда же, в 1897 году, выставил свою кандидатуру в городскую Думу.

Алексей и Владимир Александровичи, а затем и Сергей Владимирович Бахрушины, как и Петр, Александр и Василий Алексеевичи, в течение многих лет избирались гласными Московской Думы (вплоть до ее роспуска после Октября 1917 года), всегда пользовались там большим авторитетом; Алексей Александрович был бессменным докладчиком по всем вопросам, связанным с театром.

Домой Бахрушин приходил около шести вечера, переодевался и ехал либо в театр вместе с женой, либо на какое–нибудь заседание. Он был постоянным устроителем различных общественно–развлекательных мероприятий. Ежегодно организовывал благотворительные вербные базары в залах Благородного собрания (теперь Дом союзов), доходы от которых шли в пользу детского попечительства Московской городской думы.

Он же был главным распорядителем ежегодных маскарадов, которые устраивало Театральное общество в пользу ветеранов сцены. Там ставили шуточные сцены из оперных и балетных спектаклей, и Алексею Александровичу удавалось убедить

театрального режиссера Н. А. Попова исполнить фанданго в костюме испанки, Нежданову — первое колоратурное сопрано страны — партию графа Альмавивы в отрывке из оперы «Севильский цирюльник», знаменитое меццо–сопрано Збруеву — выступить в роли дона Базилио, а Собинова — в роли Розины!

Бахрушин участвовал в многочисленных комиссиях и выставочных комитетах, связанных с театром, искусством, историей. «На него колоссальный спрос, — писала газета «Новости сезона». — Нет такой комиссии, куда бы его не приглашали».

В начале 1907 года Московская Городская Дума поручила Алексею Александровичу заведовать Введенским народным домом (теперь в его перестроенном здании на площади Журавлева Дом культуры Московского электролампового завода). Бахрушин хотел создать там театр, который на рабочей окраине стал бы «храмом настоящего искусства». Удалось подобрать хорошую труппу (премьером несколько лет был Иван Мозжухин, в будущем звезда зарождающегося русского кинематографа). В Народном доме рабочий зритель мог увидеть те же пьесы, что шли на центральных сценах. В 1909 году здесь ставили «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Горячее сердце» и «Грозу» Островского, «Иванова» и «Вишневый сад» Чехова; в 1913-м — «Месяц в деревре» Тургенева, «Потонувший колокол» Гауптмана, «Северных богатырей» Ибсена. Летом труппа Введенского народного дома играла в Сокольническом парке.

«Далекой и густо населенной окраине повезло, — писала в январе 1912 года газета «Театр и искусство». — Там вырос театр–друг, театр–учитель… Всем этим зритель Введенского народного дома обязан А. А. Бахрушину. Он не только не дал театру упасть до шаблона, но поднял его на ту высоту, которая заставляет и москвича из центра нет–нет заглянуть в маленький Народный театр на Введенской площади».

В архиве музея имени А. А. Бахрушина сохранилось множество материалов, связанных с Введенским народным домом. Они показывают, сколько времени. внимания, сил отдавал Алексей Александрович театру для рабочих. И все же важнейшее место в его жизни продолжала занимать любимая коллекция.

В некрологе, посвященном А. А. Бахрушину и опубликованном 25 июня 1929 года в «Литературной газете», отмечался его «необычайный дар собирательства»: «Вещи шли к нему как ручные. У него был зоркий глаз и цепкие руки. Он умел добиваться облюбованного им предмета настойчиво и неотступно».

У Бахрушина были свои, особые приемы и методы

пополнения коллекции. Если он узнавал, что кто–либо из известных театральных деятелей собирается ее осмотреть, сразу же выставлял на витринах экспонаты, связанные с посетителем, причем только пустяковые; все, что было о нем интересного и ценного, прятал. Подведя гостя — к витрине, Алексей Александрович вздыхал:

— Вот, к сожалению, все, что я имею о вас. Даже обидно, что такой крупный деятель театра, как вы, так слабо отражен в музее. Но что ж поделаешь!

Это действовало безотказно; вскоре посетитель передавал музею какой–либо дар. Так, итальянскому трагику Томмазо Сальвини была показана пустая витрина с единственным экспонатом — длинной белой перчаткой великой Ермоловой, на которой отпечатался грим Сальвини в роли Отелло (ковд Ермолова поздравляла артиста после спектакля и он наклонился, чтобы поцеловать ей руку, она другую руку положила на его загримированный лоб). Сальвини был растроган и прислал Бахрушину из Италии свой бюст, а Вере Васильевйе майоликовый письменный прибор завода, владельцем которого он был.

Хороший психолог, Бахрушин, чтобы польстить актерскому тщеславию, заказал специальные картонные этикетки «Дар такого–то». На многих этикетках значилось имя Марии Гавриловны Савиной.

Если кто–либо из людей театра умирал, Алексей Александрович обязательно приезжал на панихиду и заводил со вдовой и детьми разговор о передаче памятных вещей покойного в свою коллекцию. По этому поводу даже шутили: «Вслед за гробовщиком сейчас же приходит Бахрушин».

Шутки шутками, а его упорство вознаграждалось. Знаменитый артист Александринского театра К. А. Варламов отказал Бахрушину по завещанию все свои театральные костюмы и часть вещей из своей артистической уборной. Когда известный антрепренер Н. Н. Соловцов скончался в Киеве накануне своего юбилея, через некоторое время оттуда прибыло несколько ящиков, набитых приветствиями. адресами, подарками, которые готовили для Юбиляра.

В 1908 году умер замечательный артист и режиссер Малого театра Александр Павлович Ленский. Бахрушин поспешил в театр и, не имея на то никакого права, опечатал собственной печатью его актерскую уборную. На другой день, с согласия вдовы, забрал все театральные вещи покойного. Они заняли почетное место в музее.

Ленский славился искусством грима. Недоброжелатели утверждали даже, что свою внешность он меняет при помощи

каких–то необыкновенных красок. Среди вещей покойного Бахрушин увидел зарисовки сценических образов и гримировальный прибор, в котором не оказалось никаких особых красок — только тушь, белила и румяна. Ленский обладал талантом не только актера, но и художника: простейшими средствами умел в каждой роли придавать своему лицу яркую и неповторимую характерность.

Большую часть своего архива завещал Бахрушинскому музею Савва Иванович Мамонтов. Крупнейший московский меценат, богач, он был обвинен в незаконном использовании денег, находившихся в казне возглавляемого им акционерного общества. Тюрьма, суд… Мамонтов был оправдан, но полностью разорен. Когда он вышел на тюрьмы, Алексей Александрович решил устроить в его честь званый вечер. Мамонтов долго отнекивался, просил, чтобы не было никого посторонних. Придя в дом на Лужниковской, долго стоял перед роялем, который Бахрушин купил на распродаже мамонтовского имущества. На этом рояле когда–то играл Шаляпин…

В 1913 Году прославленная актриса Малого театра Г. Н. Федотова передала Бахрушину все свои театральные реликвии и полученные за годы сценической деятельности подарки. Парализованную, ее привезли в дом на Лужниковской в инвалидном кресле. После смерти Федотовой в 1925 году в Бахрушинский музей поступил весь ее архив и это кресло, в котором дожившая до глубокой старости актриса провела долгие годы.

Бахрушин собирал не только личные вещи деятелей театра, но и предметы, отражающие его историю. Например, долго мечтал приобрести старинные народные кукольные театры — вертеп и Петрушку, но владельцы ни за какие деньги не соглашались их уступить.

31 января 1908 года Бахрушин писал своему петербургскому корреспонденту и постоянному помощнику в пополнении коллекции В. А. Рышкову: «Я давно уже и очень тщетно ищу вертеп… Он давно уже не попадался в руки антикваров, так что уже бросили попытку найти мне его… Если явится возможность получить настоящий, старинный вертеп, хотя бы и попорченный, то я с восторгом приобрету их столько, сколько найдется, тем более, что трудно допустить, чтобы внутреннее содержание их было одинаковым». Прошло полгода, и газета «Рампа» сообщила о пополнении бахрушинской коллекции: «На днях в Виленской губернии приобретен случайно вертеп — прообраз театра… В вертепе 35 кукол». А вскоре Рышков купил для Бахрушина и Петрушку.

В 1909 году Алексей Александрович заинтересовался зрительскими трубками — предтечей театральных биноклей. С детства многие помнят строчки из «Евгения Онегина» про «трубки модных знатоков из лож и кресельных рядов». Но что они совой представляли, как выглядели? «Я даже не имею понятия, какой формы вещь ходила под этим названием», — писал Бахрушин Рышкову. Настойчивые поиски позволили ему стать обладателем целой коллекции зрительских трубок.

Было у него и большое собрание театральных биноклей. «Вчера со всей семьей ездили по–провинциальному на трамвае в Монте — Карло, — писал он Рышкову в декабре 1911 года из Франции, — где я нашел очень интересный бинокль, на обеих трубках которого нарисованы две танцовщицы, Камарго и Сюлли, работа очень ценящаяся сейчас за границей и потому цена ему основательная — 600 франков; я называл ему 300 франков, он и слышать не хочет… Надеюсь, что бинокль не уйдет, и на будущей неделе придется дать ему, сколько он захочет».

«Дать, сколько он захочет» — решение для Бахрушина удивительное. Обычно он отчаянно торговался, делал вид, что желанная вещь его вовсе не интересует, Какие длительные и упорные переговоры вел, к примеру, Алексей Александрович по поводу приобретения уникального документа — дворянской грамоты, пожалованной создателю первого русского профессионального театра Федору Волкову!

24 марта 1908 года он писал Рышкову, через которого шли эти переговоры «Относительно грамоты Волкова, мне думается, надо оставить сейчас без движения. Вы сказали свою цену, теперь дело за владельцем, и если он пойдет навстречу, тогда можно говорить, а лезть теперь самим — только портить дело».

Ожесточенная торговля продолжалась полтора месяца. 9 мая в письме к Рышкову Бахрушин как бы сам себя уговаривал, что «зелен виноград»: «Сегодня утром я телеграфировал Вам, что грамоту Волкова я ценю в 150 рублей, и во — всяком случае дороже 200 руб. давать за нее не следует. Дело в том, что я пришел к заключению, что сама грамота, как совершенно испорченная, ничего не стоит; таких грамот, совсем свежих, можно найти еще достаточное количество, единственный интерес, что в ней упоминается актер Волков, но кому же она нужна, кроме ярых поклонников старины, а где они?..»

Ох, лукавил Алексей Александрович! Ему страсть как хотелось завладеть грамотой. И когда это, наконец, случилось — еще через полтора года, — газеты писали, что приобретенный уникум «будет служить одним из лучших украшений этого редкостного музея».

Прижимистость, даже скаредность собирателя раздражала многих. В архиве сохранилось дышащее еле сдерживаемым возмущением письмо С. П. Дягилева, порекомендовавшего Бахрушину приобрести предложенный кем–то для продажи старинный портрет издателя журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевого: «Ввиду того, что назначенная Вами цена за портрет Полевого далеко не сходится с оценкой владельца/желающего получить 200 руб. за эту вещь, прошу Вас не отказать прислать мне с подателем этой записки портрет, который, думаю, не представляет для Вас большого интереса».

Бывая за границей, Бахрушин за версту обходил фешенебельные антикварные магазины на главных торговых улицах. Зато с владельцами грошовых антикварных лавочек в Париже и Берлине, Ницце и Каннах, Ментоне и Монте — Карло сразу заводил дружбу. В Париже часами пропадал на набережной Сены, копаясь в развалах, и находил удивительные вещи, например, французскую книгу «Королевский балет» 1635 года издания, портрет легендарной артистки мадемуазель Жорж. В Ницце у вдовы старьевщика раскопал стеклянный стакан с монограммой актрисы мадемуазель Марс. Заинтересовался, откуда эта вещь. Оказалось, покойный старьевщик — разорившийся антиквар — приходился актрисе дальним родственником. Вдова вытащила ленты от похоронных венков, веер, автографы и свидетельство о смерти мадемуазель Марс, а еще портрет ее учителя Лекэна работы художника Ван — Jloo. И за все это Бахрушин заплатил совсем недорого — 300 франков. Когда директор парижской Гранд — Опера Дени Рош, будучи в Москве, увидел столь драгоценные для истории французского театра реликвии в коллекции Бахрушина, он был поражен.

Во время заграничных поездок Алексей Александрович разыскивал и собирал также то, что могло способствовать изучению истории отечественного искусства, например, скупал и систематйэировал европейские газеты и журналы с отзывами об успехах русского балета за рубежом. Нигде больше такого свода рецензий нет.

Коллекция все росла. Дом разбухал от вещей, книг, бумаг. В 1913 году отец отдал в распоряжение Алексея Александровича бывший особняк Королева, но и этого оказалось мало. Бахрушин постоянно перебирал, раскладывал свои сокровища, сортировал по отделам, а отделов было много — театральный, литературный, этнографический, музыкальных инструментов и т. д.

«Когда во мне утвердилось убеждение, что собрание мое достигло тех пределов, при которых распоряжаться его материалами я уже не счел себя вправе, я задумался над

вопросом, не обязан ли я, сын великого русского народа, предоставить это собрание на пользу этого народа» — эти слова А. А. Бахрушин произнес, передавая свою коллекцию Российской Академии наук.

Решение созревало постепенно, но стимулом для него послужила судьба коллекции Алексея Петровича Бахрушина — двоюродного брата и наставника в собирательской деятельности. Тот не раз повторял и в своей записной книжке, опубликованной посмертно под названием «Кто что собирает», особо подчеркнул необходимость «пристраивать свои собрания еще при жизни, назначая их в тот или другой музей, в то или другое учреждение, но никоим образом не оставлять их в наследие даже самым ближайшим родственникам, например, детям, — потому что все это пойдет прахом, в продажу розницей, за что попало», И хотя А. П. Бахрушин завещал свое обширнейшее собрание русской старины Историческому музею, оно разошлось по другим хранилищам и перестало существовать как единая, любовно и тщательно отобранная и систематизированная коллекция.

Алексей Александрович встревожился. Он не мог допустить, чтобы такая же судьба постигла его детище — театральный музей. Немаловажным было и другое обстоятельство. Коллекция настолько разрослась, что требовала особого штата сотрудников. Содержание их и музея в целом стоило дорого, эти расходы

должно было, как считал Бахрушин, взять на себя какое–либо государственное учреждение,

Справедливости ради нужно сказать, что и в тратах на собственную семью он был крайне расчетлив. В начале 1910-х годов Бахрушины решили приобрести подмосковное имение (до тех пор они обычно летом снимали дачу в Малаховке). Долго искали и наконец нашли отличную усадьбу. Однако, по мнению Алексея Александровича, просили за нее слишком дорого, и он начал долгие переговоры. Пока вел их, усадьба уплыла — вдова Саввы Морозова Зинаида Григорьевна Ҏейнбот купила ее, не торгуясь. Это были теперешние Горки Ленинские.

В 1913 году подвернулось другое имение — в селе Финеево, в 40 верстах от станции Апрелевка, с 350 десятинами земли и леса. Купец Власов продавал свой добротный каменный дом в стиле русского ампира со всей утварью — столовым и постельным бельем, посудой, иконами в серебряных окладах и даже с заготовленными на зиму вареньями и наливками. Бахрушин опять стал торговаться, хотел было уже отступиться — слишком дорого. Но тут вмешался отец. Девяностолетний Александр Алексеевич рассудил, что покупка имения — дело выгодное, и добавил сыну сумму, которую тот пытался выторговать.

В тот же год решилась и судьба музея. Переговоры о ней велись давно. Еще в 1901 году, когда в Петербурге задумали создать музей при императорских театрах, Бахрушин предложил включить туда собранные им материалы. Однако для этого коллекцию потребовали перевезти в Петербург. Алексей Александрович не мог на такое согласиться, хотя бы потому, что многие дарители ставили условием, чтобы переданные ему вещи и документы остались навечно в Москве.

Московская Городская Дума и городская управа также отказались принять дар Бахрушина. Возникали сомнения, нужен ли вообще такой музей, смущали расходы на его содержание.

Как–то на одной из бахрушинских суббот Алексей Александрович в шутку спросил приехавшего из Петербурга В. А. Рышкова, секретаря отделения русского языка и словесности Академии наук:

— А ч-to, Академия наук не возьмет себе мой музей? Только с условием, что он останется в Москве.

Рышков обещал навести справки. Он был искренне озабочен будущностью музея и начал энергичные хлопоты. Академики П. В. Никитин, С. Ф. Ольден- бург, Н. А. Котляревский очень заинтересовались предложением Бахрушина и дали делу ход. Началась оживленная переписка, и тут одно за другим стали возникать самые неожиданные препятствия: то невозможно оставить музей в Москве, то трудно найти деньги, чтобы его финансировать, то пятое, то десятое…

Наконец, из Петербурга приехал академик Н. А. Котляревский. Он осмотрел дом Бахрушина, ознакомился с его коллекцией и, вернувшись, подробно доложил обо всем, что увидел, тогдашнему президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу. Дядя царя в отличие от многих своих родственников был мягким, интеллигентным человеком, поэтом (стихи подписывал начальными буквами имени и фамилии — «К. Р.», Константин Романов). Великий князь поддержал идею о том, чтобы Академия наук взяла театральный музей под свое крыло. Теперь дела пошли гораздо успешнее.

Президент Академии наук принял у Бахрушина прошение, в котором тот писал: «Имея в виду, что такое собрание, какое представляет в настоящее время мой Литературно–театральный музей, должно служить научным пособием для лиц, занимающихся историей литературы вообще и историей театра в частности, а также оно должно быть доступно всему русскому образованному обществу, я не считаю возможным оставлять свой музей в своем единоличном пользовании и нахожу, что он должен составлять государственное достояние».

23 ноября 1913 года состоялся торжественный акт передачи музея Академии наук. В полдень в особняк на Лужниковской стали съезжаться приглашенные. Собрался весь цвет театральной Москвы: М. Н. Ермолова, А. И. Сумбатов — Южин, А А. Яблочкина, К. С, Станиславский, В. И. Немирович — Данченко.

певица Большого театра Н. А. Салина, режиссер Малого театра Н. А. Попов, владельцы московских театров Ф. А, Корш, К. Н. Незлобии, С. И. Зимин. Приехали И. А. Бунин, академик А. Н. Веселовский, известный меценат князь С. А. Щербатов, В, А. Рышков. Все они, а также отсутствовавший в тот день С. И. Мамонтов, вошли в состав совета Театрального музея, председателем которого был назначен А. А. Бахрушин, именовавшийся также «почетным попечителем»,

Торжественное собрание в большой столовой Сахрушинского дома открыл специально приехавший из Петербурга великий князь Константин Константинович. Хозяину было предоставлено слово. Он волновался необычайно; лист с текстом речи дрожал в его руках. За передачу Академии наук коллекции Бахрушину был пожалован орден Владимира 4-й степени (он надевал его впоследствии всего два раза).

Академия наук выделила средства на. содержание музея, в его штат были зачислены трое служащих и хранитель В. А. Михайловский. Коллекция продолжала пополняться, и Бахрушины вынуждены были уступать для нее одну жилую комнату за другой.

4

После революции Алексей Александрович не покинул родину. Думается, он и представить себе не мог разлуки со своим созданием, детищем, делом всей жизни. Из многочисленной бахрушинской родни вообще мало кто эмигрировал, Ю. А. Бахрушин пишет, что добрая слава семьи, известной своей благотворительностью, сказалась на судьбах ее членов после Октября: «Будучи одними из крупнейших русских дореволюционных капиталистов, мы сравнительно не подвергались никаким репрессиям, так как всюду встречались люди, готовые замолвить доброе слово за носителей нашей фамилии».

Внучка двоюродного брата А. А. Бахрушина Вера Николаевна Орлова в неопубликованных воспоминаниях, любезно предоставленных ею автору, рассказывает, как ее дядя Константин Петрович ходил объясняться с новой властью по поводу назначенного ему — бывшему домовладельцу — крупного налогообложения.

— Здравствуйте, Константин Петрович 1 — приветствовал его ответственный работник местного Совета.

— Откуда вы меня знаете? — удивился К. П. Бахрушин.

— А как же, когда я был студентом и сильно бедствовал, то обратился к вам, и вы дали мне 100 рублей.

Налог с Константина Петровича взыскали полностью, но обращались с ним уважительно.

Видимо, репутация семьи сыграла роль и в том, что племянник А. А. Бахрушина Сергей Владимирович, приват–доцент Московского университета, смог продолжать преподавательскую работу, хотя до революции был активным деятелем кадетской партии. Правда, в конце 20–30-х годов многие из Бахрушиных подверглись репрессиям (в том числе Сергей Владимирович, отправленный в 1928 году в ссылку как участник мифического «монархического заговора» академиков С, Ф. Платонова, Е. В. Тарле и других).

Что касается самого А. А. Бахрушина, то в конце 1917 — начале 1918 года ему и его музею пришлось пережить трудное время. Оторванный от Петрограда, музей месяцами не получал никакой помощи от Академии наук. Не было ни денег, ни дров; в сырых, нетопленых помещениях коллекциям грозила гибель. Алексей Александрович и его семья вместе с немногочисленными сотрудниками, глубоко любящими театральное дело, самоотверженно оберегали экспонаты музея, добывали средства

на его содержание. В. В. Бахрушина научилась сапожничать, и ее заработок очень помогал семье. В. Н. Орлова, Девочкой навещавшая в те тяжелые годы дом на Лужниковской, помнит, как Вера Васильевна показывала ей свои руки — с темной загрубевшей и растрескавшейся кожей.

О дальнейшем развитии событий читаем в статье Ю. А. Бахрушина;

«В 1918 году из Петрограда в Москву переезжает Тео (Театральный отдел Наркомата просвещения. — **Н. Д.)** во главе с О. Д. Каменевой. Каменева живо заинтересовалась музеем, осмотрела и взяла его в свое ведение. Картина переменилась. У музея появились средства, возможность приобретать предметы театральной старины — словом, возможность существовать». Тогда же А. А. Бахрушин вошел в состав бюро Историко–театральной секции Тео.

А. В. Луначарский вспоминал, что в Театральном отделе обсуждалось, можно ли оставить за музеем имя Бахрушина — «конечно, очень симпатичного человека и создателя этого музея, но тем не менее бывшего капиталиста». С этим вопросом Луначарский обратился к Ленину. Внимательно выслушав рассказ о Бахрушине и его музее, Ленин спросил:

— А как вы думаете, в один прекрасный день он от нас не убежит и не затешется в какую–нибудь контрреволюционную компанию?

— Бахрушин никогда не уйдет от своего детища, — ответил Луначарский, — и никогда не окажется нелояльным по отношению к Советской власти.

— Тогда, — сказал Ленин, — назначайте его пожизненным директором музея и оставьте за музеем его имя.

30 января 1919 года нарком просвещения Луначарский издал распоряжение: «Театральный музей имени А. Бахрушина в Москве, находящийся в ведении Академии наук при Народном Комиссариате по Просвещению, ввиду своего специально–театрального характера, переходит на основании п. 2 «Положения о Театральном отделе» в ведение Театрального отдела Народного Комиссариата по Просвещению».

Через два дня, 1 февраля, О. Д. Каменева подписала приказ: «Назначаю илена Бюро Историко — Театральной Секции Алексея Александровича Бахрушина заведующим Театральным музеем Театрального отдела Народного Комиссариата по Просвещению имени А. Бахрушина».

Бахрушин был одним из очень немногих московских собирателей, чья деятельность продолжилась и при Советской власти. Директором музея он оставался до последнего своего

часа.

Алексей Александрович спокойно принял перемены. Не озлобился, не питал надежд на возвращение прошлого. Музей продолжал жить, оказался нужен — это было главное. В течение четырех лет Бахрушин работал в Театральном отделе Наркомпроса, несколько раз его избирали в ежегодно менявшийся состав существовавшей в 20-х годах Государственной Академии художественных наук.

Музей на Лужниковской был в то время одним из важных очагов культуры, хранителем традиций. Здесь постоянно проводились экскурсии, появился новый, массовый посетитель. Коллекции музея изучались, исследовались, его собрание пополнялось и расширялось самыми разными способами.

Как–то в начале 20-х годов Алексей Александрович узнал, что на следующее утро назначен снос полуразвалившегося дома, который принадлежал раньше знаменитой театральной чете — Михаилу Провычу и Ольге Осиповне Садовским. В нем уже никто не жил. Бахрушин взял большую корзину и ночью отправился туда. Путь был неблизкий — от Лужниковской до Мамоновского переулка (теперь улица Садовских). В развалинах оказалось множество ценнейших материалов — письма и записки Михаила Садовского, письма Аполлона Григорьева, Писемского, рисунки, гравюры. Но какова же была радость, когда там удалось найти бумаги великого русского драматурга А. Н. Островского — записные книжки, дневники, письма, автографы! С трудом доволок Бахрушин наполненную доверху корзину на Лужниковскую и снова отправился в Мамоновский.

В 20-х годах, когда умерла Мария Николаевна Ермолова, музей обогатился ее архивом, вещами из ее особняка на Тверском бульваре. Посетители музея почтительно рассматривали скромное черное платье великой артистки, бережно хранимый ею кусок доски от старого пола сцены Малого театра, по которой ступали Щепкин, Мочалов. Эту дорогую сердцу Ермоловой реликвию подарили ей рабочие сцены.

Среди поступлений были не только такие, которые отражали историю теат- ра, но и связанные с современностью, с возникновением нового искусства: многочисленные афиши времен гражданской войны и первых лет Советской власти, эскизы декораций новых спектаклей, программы, газетные рецензии, фотографии… Продолжали скапливаться материалы о русском искусстве за рубежом. Близкий друг Бахрушина, журналист Александр Плещеев, живший в Париже, каждый месяц присылал в музей увесистые бандероли с вырезками из газет, журналами, афишами и программами русских драматических и

балетных представлений за границей.

Бахрушин тщательно сортировал, систематизировал эти материалы. С годами он не изменился. Все с той же страстью занимался поисками театральных реликвий, стремился не только сберечь, но и приумножить богатства музея. К казенной копейке Алексей Александрович относился с такой же бережливостью, как раньше к собственной. В опубликованном «Литературной газетой» некрологе говорилось: «Он считал каждый советский грош и умел на скудные средства бюджета пополнять беспрерывно и без того полные музейные сундуки».

В поисках экспонатов Бахрушину помогали сотрудники музея, помогал и сын Юрий, в будущем специалист по истории русского и советского балета (с 1924 по 1935 год заведовал постановочной частью Оперной студии и театра им. К. С. Станиславского). Свои мемуары он не успел довести до послеоктябрьского периода, но некоторые памятные эпизоды первых лет Советской власти описал. В их числе — рассказ о судьбе семейного склепа Бахрушиных, помещавшегося под алтарем храма при Сокольнической больнице. Когда Совнарком издал декрет о ликвидации всех домовых церквей и семейных склепов, Алексей Александрович ужаснулся: нужно разрушить гробницы родителей, родственников, умершего в детстве сына Александра… Пользуясь добрым знакомством с О. Д. Каменевой, обратился к ее мужу — председателю Моссовета Л. Б. Каменеву. Тот сказал:

— Изменить распоряжение правительства или не подчиниться ему я не могу. Единственный выход — ликвидировать помещение склепа, точно его и не существовало вовсе.

«В хмурый зимний день, — пишет Ю. А. Бахрушин, — мы в последний раз вошли в склеп проститься с нашими стариками. У входа стояли каменщики с разведенным цементом и готовыми кирпичами… Как только мы вышли, каменщики взялись за дело. Скоро на месте, где был склеп, высилась общая больничная стена, Так и спят до сих пор мои деды в своем нерушимом уже никем покое, под своими мраморными гробницами, и быть может, не перегорели еще все лампады их неугасимых светильников…».

А жизнь продолжалась. Бахрушин, как и прежде, был одним из самых заметных представителей культурного мира Москвы, активно участвовал в Деятельности Российского театрального общества. Без него не обходилось ни одно театральное событие. «Мы видели его с лицом радостным на торжественных юбилеях отдельных театров, на торжествах по случаю получения высокого звания тем или другим артистом, на премьерах и т. д., —

вспоминал Луначарский. — И если хотелось поздравить тех, кого непосредственно эти торжества касались, то хотелось вместе с тем поздравить и «театрального дедушку» А. А. Бахрушина. Это всегда был его праздник».

Все так же он оставался ходячей театральной энциклопедией. Хорошо знал почерк известных артистов и писателей, по одной строке мог определить подлинность рукописи даже XVIII-XIX веков. Обладал удивительной памятью на имена и события, связанные с историей театра, мог ответить на любой вопрос, будь то дата премьеры спектакля, фамилия исполнителя той или иной роли или факт из жизни актера, драматурга, композитора.

Бахрушин издавна был непревзойденным мастером организации выставок. Несть числа экспозициям, в создании которых он участвовал, начиная с той, первой — в Ярославле в 1899 году. Но, наверное, самой представительной, удачной, яркой стала развернутая в музее выставка, посвященная десятилетней годовщине революции, Она так и называлась — «Десять лет Октября». «Это начинание, — писала «Литературная газета», — могло быть осуществлено во всем блеске лишь потому, что Бахрушин не спал дней и ночей, организуя — и опять- таки на грощи — этот торжественный парад советского театра», О выставке как о большом успехе Бахрушина вспоминал и Луначарский: «Каким именинником выглядел он, когда показывал свой музей, расцвеченный превосходной коллекцией макетов, характеризовавших наше театрально–декоративное искусство за десять лет! Своим глуховатым басом он говорил мне, и глаза его добродушно блестели из–за очков: «Вы знаете, Анатолий Васильевич, нет десятилетия в истории нашего театра, — а я ведь эту историю немного знаю, — которое бы так богато было разнообразной изобретательностью по части театрально–декоративного мастерства».

Но вот два документа из архива, которые показывают, что не все было так радужно в жизни Алексея Александровича. Об этих документах ни словом не упоминается в статьях и некрологах, посвященных Бахрушину, хотя они датированы как раз годом его смерти.

Документ первый — заявление директора Государственного театрального музея А. А. Бахрушина в Замосйворецкую избирательную комиссию (январь 1929 года):

«Считая неправильным лишение меня избирательных прав в текущую избирательную сессию, прошу Замоскворецкую районную комиссию пересмотреть вопрос и восстановить меня в правах, которыми я пользовался за. все время существования Советской власти. Причины, побуждающие меня к изложенной

просьбе, таковы:

— Всю жизнь отдав на дело собирания основанного мной Театрального музея, носящего мое имя, я еще в 1913 году принес его в дар Государству, передал всю коллекцию и трехэтажный каменный дом Всероссийской Академии наук.

— Советское правительство, оценив мою деятельность, в 1919 г. присвоило Музею мое имя, включив его в состав научных государственных учреждений.

— Будучи абсолютно лояльным по отношению к Советской власти, я с первых дней революции встал в ряды лиц, активно содействовавших ее укреплению.

— За все 11 лет, состоя на Государственной службе и неся ряд общественных должностей, я ни разу не подвергался ни административным, ни дисциплинарным взысканиям.

— Лишение прав является опорочиванием не только лично меня, но и учреждения, носящего мое имя».

Документ второй — выписка из протокола заседания Замоскворецкой избирательной комиссии от 30 января 1929 года:

«Слушали: заявление гр–на Бахрушина А. А. с просьбой о восстановлении в избирательных правах.

Постановили: лишить».

Представителям «бывших эксплуататорских классов» было отказано в праве принимать участие в общественной жизни страны, даже если они, подобно Бахрушину, с энтузиазмом работали и приносили реальную пользу. Думаешь о том времени и на память приходят строки Бориса Пастернака:

Грядущее на все изменит взгляд,
И странностям, на выдумки похожим,
Оглядываясь издали назад,
Когда–нибудь поверить мы не сможем.

«…А я стал прихварывать, — писал Алексей Александрович весной 1929 года в Париж Плещееву. — Вот уже скоро два месяца, как я заболел гриппом, после которого никак не могу отделаться от общей слабости и какой–то апатии ко всему происходящему кругом меня». Но он продолжал работать — в том же письме сообщал, что вчера закрыл выставку Грибоедова, которую посетило около трех тысяч человек, и проследил, чтобы в его присутствии ее разобрали и разослали чужие экспонаты по принадлежности.

«Никуда не выезжаю, — сообщал он Плещееву в следующем письме, — и почти вовсе не выхожу из кабинета и спальни, делю время между письмен-

лым столом, когда в силах что–либо делать, и кроватью. Дохожу даже до того, что это стало действовать на мою психику… На днях собираюсь ехать в деревню, где сын имеет в избе для меня комнатку, быть может, перемена воздуха и временное отрешение от дел музея мне помогут».

Имение Бахрушиных национализировали, и Юрий Алексеевич снимал избу поблизости, в Апрелевке. Деревня не помогла, состояние Алексея Александровича становилось все хуже. «Когда нет болей, — писал он сыну за два дня до смерти, — я лежу в постели вполне здоровым человеком, но стоит мне приподняться, не говоря уже дойти до конца комнаты, я — живой труп».

Как вспоминал Луначарский, Бахрушин «с обычной своей скрупулезностью, уже в бреду пользовался моментами прояснения мысли, чтобы давать распоряжения, касающиеся блага музея». 7 июня его не стало.

Хоронили Бахрушина торжественно. В состав общественного комитета по организации похорон и увековечению памяти покойного вошли виднейшие представители советского театрального искусства: Берсенев, Блюменталь — Тамарина, Гельцер, Игумнов, Ипполитов — Иванов, Качалов, Книппер — Чехова, Мейерхольд, Москвин, Нежданова, Немирович — Данченко, Собинов, Таиров, Яблочкина, а так- же государственные, партийные деятели — Енукидзе, Луначарский, Лядов, Сви- дерский, Семашко.

Над гробом у раскрытой могилы на Новодевичьем кладбище было сказано много высоких слов о значении личности покоййого, о его вкладе в отечественную культуру. Так бывает часто: человеку нужно умереть, чтобы вспомнили о его заслугах и клялись их не забыть. А когда он был жив, никто не позаботился оградить его от горестей и несправедливых обид.

С Театральным музеем после кончины его пожизненного директора случалось всякое. Так, в 1937 году было Принято постановление о закрытии музея. Вдова Бахрушина Вера Васильевна написала Сталину. Копия ее письма сохранилась в архиве: «9 ноября с. г. Комиссией Советского Контроля было вынесено решение свернуть музей в кратчайший срок и перевести в подвальные помещения Политехнического музея. И то и другое грозит тяжелыми последствиями для всех ценнейших коллекций музея… Ни показывать посетителям, ни продолжать научную работу будет невозможно».

Помогло ли это письмо или что другое, но музей был оставлен на Лужниковской. За долгие годы от окружавшего его сада ничего не осталось, уже после войны у музея отобрали

соседние бахрушинские дома, в 60-х годах намеревались снести и главное здание — сказочный московский теремок, и только энергичное вмешательство театральной общественности помешало этому. А в 1984 году при сносе дома, стоявшего впритык к музею. чуть–чуть не завалилось и бахрушинское фондохранилище — его лишили опорной стены.

Но рассказ о Бахрушине не хочется заканчивать на пессимистической ноте. Да для этого, в общем, и Нет резона. Его Жизнь была наполнена большим общественным смыслом. Как писал Луначарский, он «великолепно послужил бессмертию театра, театр обязан ему благодарностью и обязан хранить о нем дорогую память». Созданный Бахрушиным Театральный музей, которому в 1994 году исполнится сто лет, несмотря на все сложности, постоянно пополняется, ведет огромную исследовательскую и просветительскую работу, часто (по бахрушинской традиции) организует прекрасные выставки.

И музей, и бывшая Лужниковская улица названы именем Бахрушина — в знак уважения и благодарности семье, обычаем которой было делать добро. Вернется ли когда–нибудь в нашу жизнь этот почти уже позабытый обычай?